

Золотой век и «Железная гвардия»: к 30-й годовщине смерти Мирчи Элиаде

АЛЕКСАНДР СЕГАЛ

Научный сотрудник, кафедра философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4. E-mail: segal.alexander@gmail.com.

Ключевые слова: золотой век; будущее; вики-знание; обыденное сознание; история; фашизм.

Этот текст приурочен к 30-летию со дня смерти известного румыно-американского писателя и исследователя мифа, религий и первобытного (архаического) сознания Мирчи Элиаде. Принято считать, что Элиаде был чуть ли не родоначальником системных исследований в этих областях, что само по себе мало соответствует истине: достаточно сравнить его тексты с более ранними по времени написания работами, например, Джорджа Фрэзера, Люсьена Леви-Брюля и Владимира Проппа. Если же проследить *историю* этого исследователя, то многие его теоретические парадигмы предстанут в ином свете — непривычном для потребителя популярного нонфикшна.

Автор статьи, затронув историю становления Элиаде как исследователя и как идеолога, проводит параллели между его общественной и научной позициями, демонстрируя их связь и зависимость второй

от первой. Тщательно спланированная и исполненная смена позиций и проникновение в лагерь победителей не принесли Элиаде покоя: став знаменитым, он всю оставшуюся жизнь постоянно отслеживает публичную информацию, отбирает одни факты своей жизни, старательно скрывая при этом другие. Собственно, его философско-историческая концепция «страха перед историей» есть генерализованная личная позиция, а «настоящий дикарь», бегущий к плероматическому времени, — его рефлексивный автопортрет. Автор также показывает, что архаика, адептом которой выступал Элиаде, сегодня как нельзя лучше ложится на почву обыденного сознания и идеально соответствует инструментарию так называемого вики-знания — технологии формирования контента случайным множеством авторов в режиме реального времени.

НАМЕНИТЫЙ румынский писатель, философ и историк, доктор *honoris causa* Сорбонны, Йельского, Вашингтонского университетов и иезуитского Университета Лойолы в Чикаго, кавалер ордена Почетного легиона Мирча Элиаде скончался 22 апреля 1986 года на 80-м году жизни. Первый русский перевод Элиаде вышел в СССР через год после его смерти. Книга называлась «Космос и история»¹ и представляла собой перевод с французского издания 1949 года «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость» (*Le mythe de l'éternel retour. Archetypes et répétition*).

В советское время этого автора долго обходили молчанием, и причины заключались отнюдь не в текущих идеологических ображениях (по крайней мере, не только в них), но, как нам представляется, были гораздо более отдаленными во времени и более серьезными по сути. Впрочем, об этом чуть позже. А пока вернемся к книге. Она вызвала живой интерес у широкой публики — и это не удивительно. В пространном предисловии Наталия Дараган отмечала, что Элиаде

...отличает скорее блистательная эрудиция, чем глубина проработки материала... но его искания были созвучны духу времени и удовлетворяли интересы самой широкой читающей публики².

Да уж, чего-чего, а созвучности духу времени у Элиаде было не отнять. В 1920-е годы, когда Европа вползала в затяжной кризис, поутихшие было в ходе Первой мировой войны мистические настроения «широкой читающей публики» всколыхнулись вновь. Именно на это время пришлось лицейская юность Элиаде и его первое — как оказалось, долгое, на всю жизнь — увлечение оккультизмом, историей религии, Древним Востоком.

Стипендия и приглашение учиться в Индии, которые Элиаде получил в 1928 году, отправив письмо западнобенгальскому магарадже, путешествие в Калькутту через Египет и Цейлон, два года изучения санскрита и индийской философии, путешествия по Ги-

1. Элиаде М. Космос и история: избранные работы. М.: Прогресс, 1987.

2. Там же. С. 4.

малаям, четыре месяца общения со Свами Шиванандой в гималайском монастыре в Ришикеше — все это окончательно определило развитие Элиаде как исследователя³. Именно с тех пор, чем бы он ни занимался, что бы ни изучал — космогонию, верования, оккультизм, колдовство, моду или алхимию, — он неизменно старался уйти от «ужаса истории»⁴ и однозначно предпочитал историзму психологизм юнгианского толка. И это притом, что его встреча с самим Карлом Густавом Юнгом произошла значительно позже, в 1950 году⁵.

А пока, возвращаясь в конце 1931 года на родину, Элиаде был пропитан эзотерическими идеями и духом архаики, «вкусив от истоков». И в румынском периоде его творчества (1930-е годы) он соединил восточную архаику с европейскими оккультными традициями и новациями, благо Юнг и Зигмунд Фрейд в те времена тоже были «созвучны духу времени» и «удовлетворяли интересы самой широкой читающей публики». Ведь именно тогда Юнг

... ввел в культурный обиход огромный пласт архаической мысли и... возвел оккультизм на интеллектуальный пьедестал, придав ему статус престижного знания⁶.

Вполне естественно, что на почву таких настроений легко легла и архаика местной, румынской закваски в лице Корнелиу Кодряну и его «Железной гвардии» — «Легиона Михаила Архангела». Илья Смирнов в своей рецензии на книгу Александры Ленель-Лавастин⁷ отмечал:

Румынский фашизм идеологически был ближе всего к «черной сотне» (даже названия знакомые — Легион архангела Михаила). От рационального немецкого [он] отличался какой-то первобытной дикостью и так до самого конца не смог консолидироваться — «Ночь длинных ножей» затянулась на годы⁸.

3. Старостина А. Мирча Элиаде: краткая летопись жизни и творчества // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 228.

4. Элиаде М. Указ. соч. С. 128–145.

5. Старостина А. Указ. соч. С. 229.

6. Панкратов А. В., Фесенкова Л. В. Юнгианство и оккультизм // Дискурсы эзотерики: философский анализ / Отв. ред. Л. В. Фесенкова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 213.

7. Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 528 с.

8. Смирнов И. «Забытый фашизм». Театр абсурда в колоде одной масти // Скепсис. 18.01.2008. URL: http://scepisis.net/library/id_1911.html.

Поклонники Элиаде обычно настаивают на том, что он никогда не состоял в Легионе и не поддерживал легионеров. Тем более что сам он долго хранил молчание о том периоде и избегал публиковать вторую часть своих мемуаров, несмотря на то что те были «намеренно фрагментарны»⁹ и освобождены от каких бы то ни было упоминаний о довоенных политических симпатиях Элиаде. Однако публикации, ставшие доступными после открытия румынских архивов, сильно поменяли картину. Оказалось, что, например, в 1937 году в статье под названием «Свобода» будущий мэтр писал:

Идеи Легионерского движения находят отклик, потому что мы свободны, потому что мы решились разорвать железные оковы биологического детерминизма... и детерминизма экономического¹⁰.

Или вот чуть более поздний комментарий к новости о том, что легионеры пытали студента-коммуниста:

Так и надо поступать с предателями. Он, Мирча Элиаде, битьем не довольствовался бы. Он бы ему глаза вырвал¹¹.

Исследователи, по каким-то причинам симпатизирующие Элиаде, часто с драматизмом сообщают, что в июле 1938 года «в связи со сменой государственного режима» он оказался в тюрьме вслед за своим близким другом Нае Ионеску — идеологом легионерского движения, — был уволен из университета, «лишился средств к существованию» и «в тюрьме... провел меньше года»¹². Однако таким образом почитатели Элиаде, во-первых, опровергают собственную ложь о непричастности Элиаде к «Железной гвардии», а во-вторых, создают еще одну ложь и одну полуправду. Ложью являются утверждения о смене режима: на самом деле король Кароль II как раз пытался *сохранить* свой сравнительно мягкий режим, в то время как путч готовили легионеры. А *полуправда* состоит в том, что Элиаде пробыл под арестом всего лишь четыре месяца — с июля по ноябрь, то есть меньше *полугода*. И был отпущен на свободу сразу после провала ноябрьского путча легионеров и Иона Антонеску и тайного расстрела Корнелиу Кодряну.

9. *Ленель-Лавастин А.* Указ. соч. С. 172.

10. Там же. С. 180. См. также: *Eliade M. Libertate // Iconar. 1937. Vol. 3. № 5. P. 2.*

11. Там же. С. 194.

12. *Коростиченко Е. И.* Памяти Мирчи Элиаде // Религиозная жизнь. 20.02.2012. URL: <http://religious-life.ru/2012/02/korostichenko-pamyati-mircea-eliade>.

Не менее драматично преподносится легенда о «периоде изгнания» будущей знаменитости. «Вскоре после выхода из тюрьмы... последовала эмиграция Элиаде в Лондон», — сообщает нам уже цитировавшийся источник¹³. Напомним: Элиаде в «эмиграции» работал не уборщиком улиц и даже не таксистом, а атташе посольства национал-легионерской Румынии по культуре. Странная эмиграция. Тем более что сам Элиаде описывает ситуацию иначе:

Последнее правительство короля Кароля предвидело, что Румыния попадет в трудное положение. Было решено делегировать за границу побольше молодых ученых в качестве атташе и советников по культуре. Меня назначили в Англию¹⁴.

После присоединения Румынии к Берлинскому пакту в ноябре 1940 года, поддержки Иона Антонеску Гитлером во время январского мятежа 1941 года и мартовских антибританских заявлений кондуктора Британия, естественно, разорвала дипотношения с Румынией. В версии Элиаде, однако, «Англия порвала дипломатические отношения с Румынией из-за ввода в нее немецких войск». На таких смысловых синкопах, собственно, выстроена большая часть биографии Элиаде — порою им самим, а порою его адептами. Читая дальше. После разрыва дипломатических отношений Элиаде

... потерял работу культурного атташе и был эвакуирован из Лондона... За Лондоном последовали четыре долгих года в Лиссабоне (1941–1945) и должность секретаря по культуре¹⁵.

Эти драматические «долгие годы» пришлось как раз на то время, когда румынские войска вступили в войну против СССР на стороне Германии, оккупировали Молдавию, часть Украины и Юга России. И советник по культуре спокойно занимается научной и литературной деятельностью, пока после взрыва румынского штаба в Одессе по приказу Антонеску расстреливают 25 тысяч заложников-евреев — по 200 за офицера и по 100 за солдата. Зато когда в Сталинграде было разбито 18 из 22 румынских дивизий и счет потерям перевалил за полмиллиона, Элиаде с ужасом пишет об «агонии людей и континента под Сталинградом». «На наших глазах Европа брошена на растерзание азиатским ор-

13. Там же.

14. Элиаде М. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 177.

15. Коростиченко Е. И. Указ. соч.

дам!» — трагически восклицает знаток и поклонник (!) азиатской культуры¹⁶.

Элиаде все это время чрезвычайно увлечен изучением опыта португальского диктатора Салазара — его «Нового государства». Но, впрочем, уже с 1943 года он подумывает о «смене позиций» и проникновении в лагерь будущих победителей, сравнивая себя с троянским конем. «В Америке я бы приобрел известность, аудиторию и порядочное количество денег за 3–4 дня», — заявляет он без лишней скромности. Свою миссию в послевоенное время он видит в «повторном открытии и возвращении к жизни досократовского мира» и формулирует стратегическую задачу: «дать научное обоснование метафизическому значению архаической жизни»¹⁷. И, надо признать, задачу эту он выполнил блестяще.

Здесь может возникнуть целый ряд весьма серьезных замечаний к автору, что следует различать убеждения исследователя и научную истину, на которую они не влияют, как и на качество работы. Попробуем разобраться, так ли это, по крайней мере в нашем случае.

В марте 1928 года, когда юный Мирча Элиаде еще только вел переписку с махараджей Кассимбазара относительно стипендии и приглашения в Индию, советский историк Михаил Покровский выступил на конференции в Москве с докладом, посвященным итогам развития общественных наук в СССР за 10 лет. Критикуя представителей «буржуазно-дворянской историографии», он произнес свою знаменитую фразу:

История, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет¹⁸.

Личная история Элиаде, которая начала разворачиваться восемь месяцев спустя, как нельзя лучше подтвердила эту мысль. В предисловии к первой его книге, изданной в нашей стране, отмечаются присущие Элиаде

...чуткость в восприятии новых идей и открытость всему нетрадиционному, подчас уводящая его слишком далеко... погруженность в предмет, которая ослабляет аналитическую целенаправленность исследователя.

16. *Ленель-Лавастин А.* Указ. соч. С. 323.

17. Там же. С. 328.

18. *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет (доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.) // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 26 (2). С. 5–6.

И эту важную мысль пронизательная Наталия Дараган развивает дальше, утверждая, что Элиаде интересен не столько как исследователь, сколько как *предмет* исследования, дающий «*представление о современных тенденциях общественной мысли на Западе*»¹⁹. А для его собственных исследований характерны случайный подбор источников, их тенденциозность и недостоверность, небрежность цитирования и неадекватность интерпретаций²⁰. Но, несмотря на столь серьезные (и, заметим, широко известные) недостатки этого автора, его труды продолжают преподносить читателю, особенно неопытному, как последнее слово в изучении архаики и мифологии, религий и верований. И публика, настроенная доверять авторитетам, оказывается в объятиях психологизма юнгианского толка, утверждающего, что

... бессознательное западного человека не оставило древнюю мечту — отыскать современника, все еще живущего в земном раю²¹.

В чем смысл мечты? Прильнуть вслед за этим «настоящим дикарем» к вечному, вневременному. Только это даст возможность, по Элиаде, уйти от «ужаса перед историей»²² и «обнаружить смысл и трансисторическое оправдание исторических событий»²³. Правда, непонятно, *как* история может вызвать у «прильнувшего к истокам» ужас, если исторические события второстепенны: это

... события, не имеющие типичного характера, факты, которые просто произошли и для него не представляют интереса²⁴.

Не является ли движущей силой борьбы с историзмом, бегства *in illo tempore* (во «время оно», к благословенным временам начала мира) *собственный страх* Мирчи Элиаде *перед собственной, личной историей*? Не отсюда ли поиск путей «трансисторического оправдания исторических событий»?

Следуя сформулированным в 1943 году целям «смены позиций» и проникновения в лагерь будущих победителей, Элиаде произвольно отбирает одни факты биографии, старательно скрывая

19. Элиаде М. Космос и история. С. 4. Курсив мой. — А. С.

20. См.: Там же.

21. Он же. Мифы, сновидения, мистерии. М.; Киев: REFL-book; Ваклер, 1996. С. 44.

22. Он же. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторыемость. СПб.: Алетейя, 1998. С. 215.

23. Там же. С. 224.

24. Он же. Мифы, сновидения, мистерии. С. 46.

при этом другие. На его счастье, из-за холодной войны румынские архивы оказались надолго закрыты для западной общественности, и поэтому, например, в 1978 году, беседа с Клодом-Анри Роке, Элиаде весьма вольно подает свою биографию, не опасаясь опровержений. Борец с «англо-большевиками» по прошествии тридцати пяти лет заявляет, что «испытывал неопишное восхищение перед отвагой и стойкостью англичан», «всегда верил в победу союзников» и даже «не сомневался» в ней²⁵.

Однако рукописи не горят. Понимая это (хотя, возможно, не рефлексируя), Элиаде выстраивает *стратегическую* линию защиты, стремясь дать «научное обоснование метафизическому значению архаической жизни». Элиаде стремится доказать, что золотой век, каковым он считает *illud tempus* («время оно»), «плероматическое» мифическое время «до изгнания из рая», скрыт настолько далеко в прошлом и настолько глубоко под архаическими напластованиями сознания, что новейшая история по сравнению с ним — миг на часах человечества. А посему страсти, бушевавшие в Европе в 1930–1940-е годы, мелки и ничтожны перед мудростью «настоящего дикаря». Собственно, мы видим достаточно обычную аутоапологию, завернутую в научную оболочку антиисторизма и вечных ценностей. И именно с высот такой внеисторической позиции Элиаде делает *основные выводы своих исследований*.

Вывод первый, проистекающий из постулата неизменности, одинаковости и внеисторичности законов мышления, — о тождественности восприятия. Архаичное сознание «настоящего» дикаря, живущего *in illo tempore* (то есть почти сразу после «изгнания»), и «бессознательное западного человека», нашего современника-европейца, одинаковым образом относятся к событиям, которые мы называем мифическими. Правда, у современного человека архаическая память немного потускнела, она опосредована современными формами религиозности, по преимуществу иудеохристианскими. Поэтому европейцу сложнее пробиться к исконной архаике, для этого требуются некоторые дополнительные усилия и дополнительное время.

Из сказанного вытекает *вывод второй*, вылившийся у Элиаде в критику немецких нацистов за... избыточную страсть к архаике. По его мнению,

... мифология, проповедуемая национал-социалистами, кажется странно несостоятельной... главным образом из-за фундаментального пессимизма германской мифологии.

25. Он же. Испытание лабиринтом. С. 178.

Современная европейская культура в большей степени тяготеет к «богатой на утешения и обещания» христианской эсхатологии, активно пользующейся понятием «золотого века», «который, согласно ряду учений, лежит в начале и в конце Истории»²⁶. В отличие от нее германская мифология предлагает фатальный эсхатон — древнегерманский Рагнарёк, гибель богов, после чего все снова возродится, но придут уже другие племена и другие боги, а ныне живущим надеяться не на что. Иными словами, по Элиаде, если бы идеологи Третьего рейха выбрали «правильную», христианскую мифологию и не стали бы менять ее на «нордическую», они смогли бы «зажечь воображение» гораздо большей части германского народа (как это сделали в Румынии православные фундаменталисты из «Железной гвардии»).

Впрочем, о самом «золотом веке» Мирча Элиаде дает тоже весьма упрощенное представление: он ничтоже сумняшеся «остаривает» это понятие на 700 лет, отбирая авторство термина у Вергилия и передавая Гесиоду. Как мы уже отмечали, все серьезные исследователи, занимающиеся проблематикой «золотого века», всегда подчеркивают два важных момента:

Во-первых, Гесиод говорит именно о «золотом поколении», а точнее, *золотом роде* (*γένος χρύσειον*), который, умерев, сменился *серебряным, бронзовым, героическим* и, наконец, современным автору [Гесиоду. — А. С.] *железным родом*. Во-вторых, эта «родовая» мифологема воспроизводилась на протяжении семи столетий, прежде чем смениться «хронологической» — о золотом веке²⁷.

Элиаде же прямо заявляет, что «воспоминания о золотом веке преследовали античность со времен Гесиода»²⁸. И это выглядит по меньшей мере странно, учитывая лингвистические познания Элиаде и его репутацию «мэтра» и «самого крупного историка религий нашей эпохи», как утверждают даже суровые его критики²⁹.

Тем не менее именно из этого его суждения вытекает *третий вывод*, на котором основана критика мифа о «благородном дикаре» эпохи Просвещения. Элиаде справедливо замечает, что «добрый дикарь» Жан-Жака Руссо (как, впрочем, и «злой дикарь» То-

26. *Он же*. Мифы, сновидения, мистерии. С. 25–26.

27. *Сегал А. П.* Проблемное поле обыденных и научных представлений о золотом веке как продукт «викизации знания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 39.

28. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. С. 42.

29. *Ленель-Лавастин А.* Указ. соч. С. 525.

маса Гоббса) был спекулятивным конструктом, призванным обосновать теорию «общественного договора»:

Шестнадцатое, семнадцатое и восемнадцатое столетия *создали* тип «благородного дикаря» как критерий для своих моральных, политических и социальных изысканий³⁰.

Элиаде показывает, что «неиспорченный дикарь» Просвещения — это

...чистое, свободное и счастливое состояние *типичного человека*, окруженного щедрой материнской природой³¹.

Иными словами, это результат абстрагирования природной родовой сущности человека, каковой она была и у Руссо, и у Людвига Фейербаха и осталась у значительного числа современных философов.

Может показаться, что в критике абстракций Просвещения Элиаде вплотную подходит к историзму. Но нет. Он ставит перед собой принципиально иные исследовательские задачи (о них мы уже говорили) и поэтому отбрасывает «добраго дикаря» Просвещения не просто в первобытность, что было бы справедливо, а на мифическую границу «плероматического времени» (*illud tempus*), подчеркивая глобальную всеобщность представлений о *золотом веке*, но минуя само *становление* понятия, — и сразу переходит к *психологическому* обобщению, к ложной трансгрессии.

И вопрос «почему?» здесь неуместен. «Зачем?» — вот вопрос, на который следует ответить. Затем, чтобы исходя только из коллективно-бессознательного психологического основания выделить некий инвариант, внеисторическую человеческую сущность, и оперировать ею применительно ко всем эпохам, разделяя времена на «правильные» (плероматические, священные, литургические) и «неправильные» (мирские, исторические).

Показательно, что из этих выводов (точнее, посылок) следуют довольно экзотические подходы к целому ряду вопросов истории, мифологии и т. д.

Очень странно выглядит обоснование в общем-то понятной связки «золотой век — земледелие». Элиаде полностью игнорирует связь этого понятия с отчуждением общинного человека от земли, имевшим место в большинстве цивилизаций, основанных на зер-

30. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. С. 40. Курсив мой. — А. С.

31. Там же. С. 42. Курсив мой. — А. С.

новом земледелии, но хватаетея в качестве аргумента за «земледельцев, выращивавших корнеплодные (незерновые) культуры», проводит формальную параллель «голова — корнеплод/кокос» и заявляет, что

... охота за головами и каннибализм символически означают то же самое, что и сбор урожая корнеплодов или кокосов... к изначальному мифу относится и сохранение подлинной истории, истории положения человека, именно в нем мы должны искать и снова находить принципы и образцы для всего образа жизни³².

Таким образом, представления о золотом веке теряют историю своего становления от Гесиода до Вергилия и становятся исконным архетипом, «защитым» в сознании каждого индивида.

За великолепной критикой Просвещения, за деталями концепции «общественного договора», подмеченными Элиаде в истории про «добротого дикаря» (а «бон саваж», как выясняется, и не «саваж» вовсе, да и не очень-то «бон»), тем не менее снова просматривается тяжелый остов базовой посылки: все мотивы человека проистекают из его «тоски по раю». И выясняется, что при всей своей не любви к европейскому Просвещению и критике в его адрес Элиаде исходил из тех же методологических оснований, что и Томас Гоббс, и Джон Локк, и Жан-Жак Руссо, — только его дикарь был старше исторически. Логически же дикарь Элиаде — это представитель современного «среднего класса». Его *illud tempus* предстает мечтой изолированного индивида, от начала веков жаждущего не работать, а потреблять. Именно поэтому он популярен. Противоречие предмета и позиции автора явно разрешилось не в пользу предмета, а выход за его пределы с изначально благой целью принять позицию внешнего наблюдателя оказался ложной трансгрессией.

Невольным помощником и продолжателем дела Элиаде выступили современные сетевые ресурсы, носители «хаоса гипертекста», создающие своего рода эффект положительной обратной связи. Научный текст сложен и сух. Напротив, мистически поданные глубины психики завораживают и притягивают своей загадочностью и при этом воспринимаются на непосредственно-эмоциональном уровне, а потому содержащие их тексты активнее цитируются вики-авторами³³ и лучше обеспечены гиперссылками. *Vice versa* — обес-

32. Он же. Миф о вечном возвращении. С. 47–49.

33. Wiki (от гавайского «быстро») — технология формирования контента интернет-ресурса случайным множеством авторов в режиме реального времени.

печенные гиперссылками авторы становятся «лидерами мнений» (не знаний) и формируют взгляды на историю. В результате научная информация вытесняется массой сведений из *open source*,

... вики-знанием... участие в конструировании которого принимают, особенно в российском сегменте, не только и не столько профессионалы³⁴.

Печально, но закономерно: дух Элиаде продолжает стоять на страже «темных» сторон истории. Он направляет путников, вышедших из пещеры незнания, кого на рыночную площадь, кого в театр, а кого обратно в пещеру. *Decipimur specie recti*³⁵.

Библиография

- Eliade M. Libertate // Iconar. 1937. An. III. Nr. 5. P. 2.
- Коростиченко Е. И. Памяти Мирчи Элиаде // Религиозная жизнь. 20.02.2012.
URL: <http://religious-life.ru/2012/02/korostichenko-pamyati-mircea-eliade>.
- Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
- Панкратов А. В., Фесенкова Л. В. Юнгианство и оккультизм // Дискурсы эзотерики: философский анализ. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за 10 лет (доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г.) // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. 26 (2).
- Реут О. Ч. Политологическое знание в российском сегменте интернета: проблемы поиска публичного языка // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 94–106.
- Сегал А. П. Проблемное поле обывденных и научных представлений о золотом веке как продукт «викизации знания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 36–49.
- Смирнов И. «Забытый фашизм». Театр абсурда в колоде одной масти // Скепсис. 18.01.2008. URL: http://scepsis.net/library/id_1911.html.
- Старостина А. Мирча Элиаде: краткая летопись жизни и творчества // Иностранная литература. 1999. № 4.
- Элиаде М. Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке // Иностранная литература. 1999. № 4. С. 151–222.
- Элиаде М. Космос и история: избранные работы. М.: Прогресс, 1987.
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998.
- Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: REFL-book; Киев: Ваклер, 1996.

34. Реут О. Ч. Политологическое знание в российском сегменте интернета: проблемы поиска публичного языка // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 100.

35. «Мы обманываемся видимостью правильного» (Гораций. Наука поэзии. 25).

THE GOLDEN AGE AND THE IRON GUARD: IN MEMORY OF THE 30th DEATH ANNIVERSARY OF MIRCEA ELIADE

ALEXANDER SEGAL. Researcher, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, segal.alexander@gmail.com. Lomonosov Moscow State University (MSU). Address: 27 Lomonosovskiy ave., Bldg 4, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

Keywords: the Golden Age; future; primitive consciousness; wiki-knowledge; ordinary consciousness; history; fascism.

This text is dedicated to the 30th publication anniversary of the first Russian translation of the famous Romanian-American writer and scholar of myth, religions, and primitive (archaic) consciousness, Mircea Eliade. Although Eliade is considered to almost be the founder of systems research in these areas, this is not quite true. In order to disprove that assertion one only has to compare his texts to earlier works of scholars such as George Frazer, Lucien Lévy-Bruhl, and Vladimir Propp. If we were to trace the *history* of this scholar, many of his theoretical paradigms would appear in a new and unfamiliar light to readers of popular non-fiction literature.

The author, having touched upon the history of the formation of Eliade as a researcher and as an ideologue, draws parallels between Eliade's public and scientific views, showing their relationship and how the latter is determined by the former. The carefully planned and executed repositioning and the subsequent infiltration of the victor's camp did not bring Eliade any peace: having become famous, he continually monitored public information for the rest of his life, singling out certain facts of his life whilst carefully hiding others. In fact, his philosophical and historical conception of the "fear of history" is a generalization of his personal attitude, and the "real savage" running to "pleromatic time" is his reflexive self-portrait. Furthermore, the author shows that nowadays *the archaic*, of which Eliade was a zealous disciple, perfectly fits into the conception of ordinary consciousness, and ideally matches the theoretical toolset of the so-called "wiki-knowledge" — the technology of real-time content generation by random authors.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-4-181-190

References

- Eliade M. Ispytanie labirintom. Besedy s Klodom-Anri Roke [Ordeal by Labyrinth: Conversations with Claude-Henri Rocquet]. *Inostrannaia literatura* [Foreign Literature], 1999, no. 4, pp. 151–222.
- Eliade M. *Kosmos i istoriia: izbrannye raboty* [Cosmos and History: Selected Works], Moscow, Progress, 1987.
- Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoriaemost'* [The Myth of the Eternal Return. Archetypes and Repetition], Saint Petersburg, Aleteiia, 1998.
- Eliade M. *Mify, snovideniia, misterii* [Myths, Dreams and Mysteries], Moscow, Kiev, REFL-book, Vakler, 1996.
- Eliade M. Libertate. *Iconar*, 1937, anul III, nr. 5, p. 2.
- Korostichenko E. I. Pamiati Mirchi Eliade [In Memory of Mircea Eliade]. *Religioznaia zhizn'* [Religious Life], February 20, 2012. Available at: <http://religious-life.ru/2012/02/korostichenko-pamyati-mircea-eliade>.
- Laignel-Lavastine A. *Zabytyi fashizm: Ionesko, Eliade, Choran* [Cioran, Eliade, Ionesco: L'oubli du fascisme], Moscow, Progress-Traditsiia, 2007.

- Pankratov A. V., Fesenkova L. V. Iungianstvo i okkul'tizm [Jungianism and Occultism]. *Diskursy ezoteriki: filosofskii analiz* [Esoteric Discourses: Philosophical Analysis], Moscow, Editorial URSS, 2001.
- Pokrovskii M. N. Obshchestvennye nauki v SSSR za 10 let (doklad na konferentsii marksistsko-leninskikh uchrezhdenii 22 marta 1928 g.) [Social Sciences in USSR in the Past Decade (Marxist-Leninist Institutions Conference Report, March 22, 1928)]. *Vestnik Kommunisticheskoi akademii* [Bulletin of Communist Academy], 1928, book 26 (2).
- Reut O. Ch. Politologicheskoe znanie v rossiiskom segmente interneta: problemy poiska publichnogo iazyka [Politological Knowledge in Russian Segment of the Internet: Search of Public Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2012, no. 2, pp. 94–106.
- Segal A. P. Problemnoe pole obydennykh i nauchnykh predstavlenii o zolotom veke kak produkt “vikizatsii znaniia” [The Problem Field of Common and Scientific Representations of the Golden Age as a Product of “Knowledge Wikization”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2016, no. 2, pp. 36–49.
- Smirnov I. “Zabytyi fashizm”. Teatr absurda v kolode odnoi masti [“Forgotten Fascism.” The Theatre of the Absurd in a Same Suit Pack]. *Scepsis*, January 18, 2008. Available at: http://scepsis.net/library/id_1911.html.
- Starostina A. Mircha Eliade: kratkaia letopis' zhizni i tvorchestva [Mircea Eliade: Short Chronicle of His Life and Works]. *Inostrannaia literatura* [Foreign Literature], 1999, no. 4.